

Женские судьбы.
Уютная проза
Марии Метлицкой

Мария
Метлицкая

Второе дыхание

рассказы

Москва
2022

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М54

Художественное оформление серии *П. Петрова*

Метлицкая, Мария.

М54 Второе дыхание : рассказы / Мария Метлицкая. — Москва : Эксмо, 2022. — 384 с.

ISBN 978-5-04-093666-3

Спортсмены знают — как бы ни было тяжело на дистанции, нельзя сдаваться: у самых упрямых обязательно открывается второе дыхание. Жизнь очень напоминает бег на длинную дистанцию — чего только не случается, пока бежишь, и никогда не знаешь, что ждет на финише. Бывает, что отчаяние перехлестывает, ты задыхаешься, кажется — нет больше сил. Но тем, кто сумел побороть отчаяние, выпадает редкая возможность все исправить и — изменить жизнь. Не позволять больше обстоятельствам и посторонним людям вмешиваться в нее. Герои рассказов, собранных под этой обложкой, — как раз из тех, кто дождался второго дыхания и понял, что значит жить по-настоящему.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-093666-3

© Метлицкая М., 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Второе дыхание

Проживать каждый день, просто обычный день, было все труднее и труднее. Усталость, накопившаяся за все последние годы, словно накрыла Киру тяжелым, мокрым и душным сугробом. Накрыла всю — с головы до пят, так, что опустились плечи, повисли руки, и ноги еле шли, почти не отрываясь от земли. Голова болела почти каждый день.

И совсем, ну просто совсем не было сил. Подруга Майка, бывший доктор, а ныне успешный риелтор, не уставала давать советы. Диагноз звучал так: истощение нервной системы и астено-депрессивный синдром. Кира почитала в Интернете: да, похоже, Майка права, мастерство не пропьешь. Срочно нужен был хороший невролог, а еще лучше психиатр. Но последнего

Кира боялась до дрожи. В голове тут же становились в ряд слова «психушка», «аминазин» и «смирительная рубашка». Майка терпеливо объясняла, что все это полный бред, рожденный в советские времена, сейчас полно прекрасных препаратов, поднимают буквально за несколько дней. Но все же остановились на неврологе.

Майка, конечно, врача и откопала. Работал он на Пироговке в старом облезлом корпусе, и внешний вид эскулапа совершенно не вязался с убожеством его места службы. Выглядел он как типичный доктор из зарубежных сериалов: чистенький, подтянутый, с хорошей стрижкой и в модных очках. Голубой халат, яркий галстук и дорогие ботинки. Кира посмотрела на него и усмехнулась. Как потом оказалось, зря.

Доктор усадил Киру в кресло, предложил чаю и зажег настольную лампу с малиновым абажуром. В кабинете, как ни странно, было очень уютно. За окном уже стояли густые зимние сумерки. Кира вдруг начала рассказывать ему всю свою жизнь — с подробностями, которыми вряд ли поделилась бы даже с близкой подругой. Врач молча и внимательно слушал ее. Кира плакала, и от

этого ей было страшно неловко. Она извинялась, а он успокаивал ее и поил горячим, крепким чаем.

Часа полтора она вытряхивала, как из мешка, практически все — начиная от трехлетней болезни мамы до ее кончины, девятилетний роман с Андреем, только в самом начале радостный и легкий, совсем недолго, с полгода, а потом... Потом набирали обороты обида, требования, непонимание и взаимные претензии. Впрочем, Кира, как всегда, винила только себя. И — финал истории — женитьба Андрея. Что, впрочем, было логично и предсказуемо. Как веревочке ни виться... И опять чувство вины, неизбежное. И обида, обида. А потом про отца — самая трудная и тяжелая часть Кирино монолога. В ней было и чувство долга, давящее тяжелой плитой, и обида на судьбу. Говорила она и про невозможный характер отца и его непомерный эгоизм, и про то, как с ним всю жизнь мучилась тихая Кирина мать. И вот матери давно уже нет, а отец теперь крушит ее, Кирину, жизнь. И самое главное — ничего, абсолютно ничего в этой истории нельзя изменить.

Кира замолчала и долго сморкалась в бумажный платок, любезно выданный лощеным красавцем доктором. Доктор молчал и постукивал по столу дорогой перьевой ручкой. Потом тяжело вздохнул и объяснил Кире ситуацию. Да, Майка была права — все имело место быть: и нервное истощение, и депрессия, и астения. Все — последствия, копившиеся годами. Но главная причина, как объяснил доктор, заключалась в отце.

— Он не дает вам строить свою жизнь. У вас абсолютно нет личного пространства. Из-за него у вас не получилась семейная жизнь. Вы не позволяете себе поехать в отпуск. Он что, так немощен? Не может себя обслужить? Разве он лежащий больной? Да почему вы не родили, в конце концов? — повысил врач голос.

— А здесь, доктор, ничего изменить нельзя, — слабо улыбнулась Кира.

— Ну, в этом вы глубоко заблуждаетесь — все в ваших руках. Не измените — погибнете. И это не в переносном смысле, это не шутки: вы окончательно загоните себя. В общем, срочно нужен отпуск — тихое место, лучше санаторий: ванны, «иголки», массаж. Крепкий сон. Чистый воздух. Дол-

гие прогулки. Это основное. Ну и, конечно, препараты — без них мы не справимся. Наладится сон, прибавится сил — это на верняка.

Кира кивала и комкала в руках растерзанный бумажный платок.

Потом доктор замолчал и внимательно посмотрел на нее.

— А разъехаться с отцом, ну, разделиться?

Кира горько усмехнулась.

— Ну о чем вы говорите! Малогабаритная двушка, увы, никак не делится. Да и потом, как я оставлю его? Ведь он — ни приготовить, ни прибраться. В быту совершенно беспомощен.

Доктор досадливо махнул рукой.

— Это вы сильно преувеличиваете. При других обстоятельствах он бы прекрасно со всем этим справился, вот в этом я не сомневаюсь! Подумайте о себе: больны вы, а он только немолод. Судя по всему, ваш отец — довольно крепкий старик.

Кира тяжело вздохнула, положила на стол конверт с деньгами, поблагодарила и вышла из кабинета. Хотелось скорее на воздух, на мороз. Сначала она шла не торопясь, а потом посмотрела на часы и прибавила шагу, вспомнив, что дома нет ужина.

«Ничего, — успокаивала она себя. — В конце концов, сварю пельмени».

В коридоре было темно. Кира открыла дверь в комнату отца и зажгла свет.

— Что не встречаешь? — бодрым голосом спросила она.

Отец молчал.

— Ну я же к тебе обращаюсь, пап!

— Давление, — ответил он слабым голосом.

— Ну и что, что давление? Выпил бы коринфар — и всех дел-то! Что ты как маленький, ей-богу!

— А ты? Где ты шляешься? — голос его окреп. — Ни звонка, ни ужина!

— Я была у врача, пап. У меня проблемы.

Отец молчал. Ни одного вопроса.

— Вставай, иди мой руки. И еще раз померяй давление.

Кира пошла на кухню и поставила воду для пельменей. Отец вышел минут через десять. Она протянула тонометр, и старик нехотя надел манжету. Давление было в норме. Кира вздохнула и укоризненно посмотрела на отца. Потом положила ему в тарелку пельмени и увидела, как он недовольно скривился.

— Поставь чаю, — коротко бросил он.

Потом отец смотрел телевизор, а Кира варила суп и крутила на следующий день котлеты. К двенадцати она закончила дела, приняла душ и пошла в свою комнату. По дороге попросила:

— Сделай, пожалуйста, потише!

— Ты же знаешь, потише я не услышу! — раздраженно ответил отец.

Кира махнула рукой и пошла к себе. «Господи, днем выспится, а потом колобродит полночи! А мне, между прочим, в семь вставать!»

Она поворочалась, заткнув уши берушами, и, к счастью, скоро уснула, что бывало с ней нечасто.

В метро, по дороге на работу, Кира думала о том, что доктор, конечно, прав. Нужен отдых, полноценный, долгий, со сменой обстановки. Нужно восстанавливать силы, сон, аппетит. Оторваться хотя бы на время от проблем. Но как все это устроить, господи? Ну, допустим, отпуск ей дадут, она пять лет его просто не брала. На путевку деньги тоже найдутся — отложены на черный день. Но как быть с отцом?

С работы позвонила Майке. Рассказала все в подробностях, поблагодарила за вра-

ча. Подтвердила Майкину правоту насчет диагноза. Майка удовлетворенно угукала.

— Ну вот видишь! — торжествующе сказала подруга. Майка любила всегда и во всем оказываться правой — уверенный по жизни человек. Ей бы, Кире, хоть немного ее уверенности.

— Вот и действуй! — напутствовала Майка. — Бери путевку и уматывай! Может быть, тебе нужны деньги?

— Нет, Май, спасибо. Деньги есть. Не в деньгах дело. Как я могу уехать? Сама посуди! А отец?

— Что-нибудь придумаем. Не может такого быть, чтобы не было выхода.

И Майка действительно придумала. Позвонила на следующий день и сказала, что есть хорошая женщина, русская, беженка из Баку. Бывшая учительница. Сейчас живет тем, что прибирается по домам. Может и стготовить, бакинки — чудесные хозяйки, это понятно. В общем, рекомендации прекрасные. Эта самая Елена Ивановна приехала в Москву к своей сестре, та успела прописать ее в своей квартире, а сама, бедолага, умерла через полгода. Так Елена Ивановна стала владелицей однокомнат-

ной квартиры у метро «Динамо». Короче, Майка обещала этой женщине позвонить.

Кира покопалась в Интернете и решила, что поедет в Литву. В Друскининкай. Когда-то в детстве она была там с мамой. Кира помнила сосновые рощи, прохладу узкой и быстрой речушки Ратничеле, широкий Неман с песчаными берегами и маленькие, словно игрушечные, домики с аккуратно подстриженными лужайками. Воздух, тишина, сдержанные люди. Общаться и заводить новые знакомства Кира не собиралась.

Она взяла отпуск на две недели, оформила визу и купила билет. Оставалось встретиться с Еленой Ивановной и рассказать обо всем отцу. Разговор с отцом Кира откладывала до последнего.

С Еленой Ивановной, оказавшейся вполне симпатичной и вменяемой теткой лет пятидесяти пяти, встретились у метро «Динамо» после работы. Договорились, что она будет приезжать через день — готовить и прибираться.

Отцу она сказала о том, что уезжает, за два дня до отъезда. Сначала он смотрел на дочь недоуменно, непонимающе, потом начал кричать. Громко, с оскорблениями.

Кира расплакалась и ушла к себе. Он ворвался в комнату и снова кричал, что никакую чужую бабу в дом не пустит, что лучше уйдет в дом престарелых, раз он ей так в тягость, и еще кучу проклятий на бедную Кирину голову. Кира молчала, закрывшись с головой одеялом. Два последних дня отец с ней не разговаривал.

Кира с трудом волокла чемодан по нечищеному перрону и плакала. Одна, как всегда, одна. И такая тяжесть! И никто не поможет затащить тяжелый чемодан в вагон, и никто не помашет в окно.

В поезд Кира села в препаршивом настроении, но потом убедила себя — с трудом, — что деньги уплачены, такие «дорогие» деньги, и сделала она все, что могла, — продукты и лекарства закуплены, с Еленой Ивановной договоренность есть, а значит, все в порядке.

Она забралась на верхнюю полку, стала смотреть в окно и увидела, как к вагону подошла пара — мужчина и женщина примерно Кириных лет. Женщина была одета в норковую шубу до пят и без головного убора. На ее длинные рыжеватые волосы падали редкие снежинки. Мужчина держал ее за плечи и все не отпускал, а женщина сме-

ялась и вырывалась. Наконец проводница велела отъезжающим заходить в вагон. Мужчина легко подхватил чемодан, подал спутнице руку, и они поднялись по ступенькам вагона.

Веселая парочка зашла в Кирино купе. Они поздоровались, и мужчина весело сказал, что торжественно вручает ей, Кире, свою жену.

— Теперь я спокоен, — остроумничал он. — Ты, Мусенька, в надежных руках.

— А вот это зря! — в тон ему ответила женщина. — Потеря бдительности ведет к непредсказуемым последствиям.

Они дружно рассмеялись, мужчина еще раз поцеловал ее в губы и наконец покинул вагон. Пока поезд не отъехал, он стоял у окна и махал рукой.

— Смешной! — сказала женщина.

— Почему? — откликнулась Кира. — Просто любит вас.

— Ну да, — растерянно ответила женщина. И добавила, почему-то вздохнув: — Это точно.

Потом они говорили обо всем. Кирина спутница, Мария, рассказывала, что работает в кинопроизводстве, у нее двое детей, и это ее второй муж — от первого она ушла.

Потом они пили чай и просто болтали о жизни. Мария рассказала, что едет на родину, в Вильнюс. Навестить мать.

В Вильнюс приехали в девять утра. Мария вышла на перрон первая. Кира, копуха, как всегда, заковырялась. А когда наконец вышла из вагона, то увидела, что Марию встречает молодой мужчина, гораздо моложе мужа. Мария так же смеялась, закидывая голову, а мужчина обнимал ее за плечи и целовал в губы. Кира прошла мимо, отведя глаза, а Мария, ничуть не смущаясь, бросила вслед звонкое «пока».

Друскининкай был почти пустой — какие в это время туристы! В отеле, куда заселилась Кира, почти никого не было — две-три пожилые пары литовцев.

«Какое счастье, — подумала она. — Ни с кем не нужно общаться. Литовцы — вежливые, но прохладные люди. Всегда держат дистанцию. Наши бы уже тут же прицепились, лезли в душу и вываливали на тебя все исподнее», — вспомнила она попутчицу.

Она гуляла по опустевшим улицам, заходила в кафешки, пила кофе с нежнейшими пирожными, бродила по пустому речному пляжу и смотрела на стальной зимний Не-

ман. Сходила в косметический салон, сделала массаж, освежающие маски, покрасила брови и ресницы. Дома, в Москве, она бы ни за что не нашла на это время.

«Как неправильно я живу! — думала Кира. — Как всю жизнь у меня все трудно и сложно. Как тяжело я проживаю эту жизнь». Она вспомнила Марию, свою невольную знакомую. «А я? словно качу в гору неподъемное колесо, которое вот-вот сорвется и раздавит меня совсем».

Кира вспоминала все девять лет жизни с Андреем. Хотя разве это можно назвать полноценной жизнью? Сначала долгая болезнь мамы, потом ее смерть. Потом бесконечная каторга с отцом — его претензии, придирки, капризы. Обиды. Потом обиды и претензии Андрея. «Почему ты не можешь остаться на ночь? Почему мы не можем поехать в отпуск? Почему в Новый год ты остаешься дома?»

А ведь он был прав, во всем прав. Кому нужна такая любовница? Однажды он предложил ей замужество. Она рассмеялась: мол, как ты себе это представляешь? Он обиделся. Понятное дело, она бы на его месте тоже обиделась. Но им обоим

было ясно: к нему она не пойдет, а говорить о том, что он придет к ней, — ну, это просто смешно. Они оба это прекрасно понимали.

— Я хочу семьи, понимаешь? Нормальной, полноценной семьи. Будней, праздников, выходных. Поездок на море. На лыжах. За грибами в лес. Гостей в субботу. Детей — непременно двоих, мальчика и девочку.

Она сидела опустив голову, со всем соглашаясь и все понимая. А через три месяца залетела и сделала аборт. Этого Андрей ей, конечно, не простил. Они расстались тогда на полгода, и она знала, что он крепко пил. Потом сошлись снова. Она уже не помнила, кто позвонил первым, да и какая разница? Но отношения с тех пор совсем развалились. Они стали встречаться все реже и реже, постоянно были недовольны друг другом и бесконечно выясняли отношения. Потом звонки стали совсем несчастными — и однажды в метро она увидела его с высокой и молодой рыжей девицей. Не заметив Киру, они вышли из вагона, держась за руки. Через месяц Кира узнала, что Андрей женился на этой самой рыжей девице. Она тогда позвонила и пожелала ему счастья.

Еще Кира вспоминала маму. Про то, как разговаривала с ней почти перед самой смертью. Отец тогда вел себя ужасно: не заходил в мамину комнату, даже когда врач сказал, что ей осталось всего пару недель. Видя, что Кира валится с ног, — ни грамма ни помощи, ни поддержки. После маминой смерти уехал в санаторий — на месяц. Сказал, что он на пределе.

Кира как-то спросила у мамы: почему она не ушла от отца? Мать улыбнулась, погладила Киру по руке и виновато сказала:

— Любила, Кирюш. Это хоть как-то меня извиняет?

Кира пожала плечом.

— Не уверена, мам. Извини.

— А потом, он не пил, не гулял, — вздохнула мать.

— Лучше бы делал и то, и другое. А тиранишь и топтать тебя? Всю жизнь гнобить. А ты ведь была хорошенькая, мам. Наверно, варианты были. Наверняка, я в этом уверена.

— Ну какие варианты, Кирюш, когда у меня уже была ты?

— Брось, мам. Это все отговорки. Что, мы с тобой не прожили бы, что ли?

— А как, доченька? Я с двадцати семи лет на «группе», а отец прилично зарабатывал. Я хотела, чтобы у тебя все было: и музыка, и коньки, и фрукты, и частные врачи — ты же болела все детство, какой там детский сад! А море? Мы же каждый год вывозили тебя на море!

Мать привстала на подушке и хрипло и тяжело закашлялась.

— Успокойся, мамуль, ну что ты? — испугалась Кира.

И подумала: «Сволоочь я. Нашла время выяснять».

А перед самой смертью, буквально дня за два или три, уже почти в забытии, на тяжелых наркотиках, уносивших ее в другой, запредельный мир, дающий краткие перерывы между болями и туманивший сознание, мать попросила Киру не оставлять отца.

Впрочем, это было совсем нетрудно — Андрей к тому времени уже женился.

Кира сидела в маленьком уютном кафе и пила кофе. За окном, по мерцающему серебром озеру, словно две маленькие белые яхты, плыла пара лебедей. До отъезда оставалось четыре дня. Кира вышла на ули-